

БОГОМОЛОВ Игорь Константинович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (Москва). Автор 108 научных публикаций*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8381-0284>

«ОБРАТИТЬ ПЕЧАТНОЕ СЛОВО В МОЩНОГО СОЮЗНИКА...»: ПРОЕКТ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА И.Л. ГОРЕМЬКИНА ПО ПРЕОБРАЗОВАНИЮ ВОЕННОЙ ЦЕНЗУРЫ (1915)

В статье впервые публикуются всеподданнейший доклад Николаю II, составленный председателем Совета министров Российской империи И.Л. Горемыкиным, а также его письмо на имя военного министра А.А. Поливанова. Оба документа датируются декабрем 1915 года – временем относительного успокоения внутривластной и военной ситуации после «великого отступления» летом 1915 года, когда печать широко и резко критиковала правительство за провалы в организации снабжения армии и тыла. Видя в этом попытку расшатать государственные устои и возобновить борьбу за власть, премьер-министр с сентября 1915 года начал «контрнаступление» на прессу, заручившись поддержкой большинства членов Совета министров и царя. «Тихую» оппозицию составляли Военное министерство и, отчасти, Ставка Верховного Главнокомандующего, не желавшие вмешиваться через цензуру в политическое противостояние. В течение сентября–декабря Горемыкин подготовил всеподданнейший доклад, предполагавший значительное расширение полномочий цензоров, прежде всего в просмотре материалов газет и журналов. Фактически речь шла о воссоздании предварительной цензуры печати, существовавшей до 1905 года, но уже наделенной более широкими полномочиями и большей свободой действий. Получив одобрение Николая II, Горемыкин представил свой план Поливанову. Последний, однако, тянул с ответом и подготовил его, когда премьер-министр уже был отправлен в отставку. В новых условиях проект Горемыкина не был реализован полностью. Военная цензура ужесточалась непоследовательно и выборочно, что в итоге не только не успокаивало печать, но, напротив, усиливало раздражение и недовольство всего общества.

Ключевые слова: военная цензура, Временное положение о военной цензуре, Главная военно-цензурная комиссия, Главное управление по делам печати, И.Л. Горемыкин, А.А. Поливанов, Николай II.

*Адрес: 117418, Москва, Нахимовский просп., д. 51/21; e-mail: bogomolov@inion.ru

Для цитирования: Богомолов И.К. «Обратить печатное слово в мощного союзника...»: проект премьер-министра И.Л. Горемыкина по преобразованию военной цензуры (1915) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 6. С. 5–16. DOI: 10.37482/2687-1505-V302

Внимание исследователей к истории развития цензуры после 1905 года на фоне подробного и всестороннего анализа столкновений известных русских писателей, издателей газет и журналов конца XIX – начала XX века с более ранней ее версией до настоящего времени было ощутимо скромнее. Особенно это касается темы цензуры в годы Первой мировой войны, однако указанный период оказал большое влияние на развитие российской революции, а также становление советской цензуры. Изучение данного вопроса по-прежнему актуально с учетом возрастающей роли информации в жизни общества и появления новых способов контроля над ней.

За последние 30 лет ситуация поменялась в лучшую сторону, однако неизученными остаются многие, зачастую весьма важные сюжеты эволюции царской цензуры накануне 1917 года. Среди них особое внимание стоит уделить попыткам ужесточения военной цензуры и фактического превращения ее в цензуру политическую. В данной статье предложение премьер-министра И.Л. Горемыкина рассмотрено как наиболее продуманный и последовательный проект. Он опирался на поддержку высших сановников и самого императора, однако так и не был реализован в полной мере.

20 июля 1914 года указом императора Николая II в России было введено «Временное положение о военной цензуре». Этот документ, подготовившийся еще с 1909 года [1], был принят в экстренном порядке в условиях стремительно приближавшейся Первой мировой войны. Согласно ему, территория империи делилась на зоны «полной» и «частичной» военной цензуры. В первом случае просматривались все газеты, журналы, фотографии, рисунки и эстампы, вся внутренняя и международная корреспонденция. Во втором – цензура касалась только международных телеграмм и писем, о цензуре печати в этой зоне во «Временном положении» речи не шло вовсе [2]. Тем не менее в документ

изначально были заложены «лазейки», дававшие возможность, во-первых, контролировать газеты и журналы в тылу, а во-вторых, не ограничиваться цензурой только военных материалов.

Первой и главной «лазейкой» стала статья 31 «Временного положения», позволявшая запрещать публикацию любых материалов, которые, «по мнению цензора, могут оказаться вредными для военных интересов государства»¹. Менее очевидным, но также важным ходом стало сохранение существовавших до войны комитетов, подведомственных Главному управлению по делам печати и Министерству внутренних дел (МВД). Во «Временном положении» прямо указывалось, что обязанности военных цензоров возлагаются на «местных должностных лиц, наблюдающих за печатью, и на чинов местных почтово-телеграфных учреждений». Могли привлекаться чиновники из других ведомств, за исключением судебного. И лишь «в необходимых случаях» в цензурной работе участвовали офицеры действительной службы². На практике их участие быстро сводилось к минимуму: офицеров призывали на фронт, их заменяли отставные и раненые, а затем – гражданские чины и женщины (первоначально в качестве «переводчиц» писем военнопленных). Наряду с военно-цензурными комиссиями (Главной и местными, при штабах военных округов), военная цензура осуществлялась теми же комитетами по делам печати, при Главпочтамте, Главном телеграфе, Петроградском телеграфном агентстве и местных почтово-телеграфных конторах.

С самого начала войны правительство (не только в Российской империи, но и в других воюющих государствах [3; 4]) использовало военную цензуру в политических целях и выходило за рамки «Перечня сведений, касающихся безопасности России и ее военно-морской и сухопутной обороны, оглашение и распространение коих в печати, речах и докладах, произносимых в публичных собраниях, воспрещается» [5]. С одной стороны, это было вызвано желанием

¹Временное положение о военной цензуре. Одесса: Тип. «Спорт и наука», 1914. С. 12.

²Там же. С. 9.

ограничить обсуждение в прессе тем, не связанных с войной, но вызывавших критику власти. Так появился, например, запрет публиковать материалы о Григории Распутине, «всякое упоминание о котором возбуждает население против существующего строя»³. С другой – гораздо больше было пограничных тем, связанных с войной опосредованно. В многочисленных циркулярах, инструкциях и предписаниях цензорам встречаются, например, запреты «всяких нападок» на почтовое ведомство, критики союзников России, обсуждения послевоенного устройства Польши и турецкой Армении, «окраинных и инородческих» вопросов⁴. Взаимоотношения местных властей и печати также основывались не столько на «Временном положении», сколько на местных особенностях и довоенных «традициях» [6]. Губернаторы и генерал-губернаторы, отделения полиции и жандармерии зачастую оказывали на прессу и цензоров большее влияние, чем местные инспекторы по делам печати и даже военно-цензурные комиссии, запрещая обсуждение самых разнообразных и мало связанных с войной тем⁵.

В первый год войны цензурная политика властей вызывала лишь глухое недовольство, однако «великое отступление» и политический кризис лета 1915 года резко изменили ситуацию [7]. В печати и с думской трибуны военная цензура подвергалась резкой критике за чрезмерную строгость и непоследовательность. На страницах газет и журналов появлялись материалы о проблемах снабжения, критическом положении армии, неустроенности тыла и неготовности промышленности к перестройке на «военные рельсы». Во многих сообщениях читалась скрытая, а часто и открытая критика правительства за неспособность организовать страну для достижения победы. В этих условиях произошло некоторое послабление

цензуры. Новый министр внутренних дел князь Н.Б. Щербатов, а в сентябре 1915 года – его преемник А.Н. Хвостов уверяли представителей печати, что введение политической цензуры не планируется, и выступали за более тесное взаимодействие власти и общества для победы в войне⁶. Думская оппозиция, прежде всего в лице кадетов, встретила эти высказывания с одобрением⁷. Одновременно заканчивалась подготовка законопроекта о военной цензуре, предполагавшего строгое ограничение цензуры рамками перечня запрещенных военных сведений [8].

Однако уже в августе 1915 года в политике правительства наметились изменения. На заседаниях Совета министров в это время высказывались идеи о необходимости усиления контроля над печатью и расширения власти военной цензуры на широкий круг политических вопросов [9, с. 280]. Такого мнения придерживались министры всех направлений, включая тех, кто выступал за более тесные контакты и конструктивную работу правительства с Думой. Но главным и наиболее последовательным сторонником усиления военной цензуры был премьер-министр И.Л. Горемыкин, для которого свобода печати в военное время была недопустима. В качестве «тихой» оппозиции выступал военный министр генерал А.А. Поливанов, еще в интервью прессе в июне 1915 года указывавший на необходимость строго ограничивать полномочия военной цензуры [10, с. 280]. Он считал, что его ведомство «должно быть вне политики», а военные чины не имеют права цензуровать статьи на политические темы. Не выступая открыто, Поливанов тем не менее твердо стоял на своей позиции и находил поддержку у командующего Петроградским военным округом генерала П.А. Фролова [11, с. 117]. Не помогли и попытки воздействия

³Рос. гос. воен.-ист. арх. (РГВИА). Ф. 13839. Оп. 1. Д. 3. Л. 83.

⁴Там же. Д. 5. Л. 7–8 об.

⁵Рос. гос. ист. арх. (РГИА). Ф. 1278. Оп. 5. Д. 584. Л. 59, 59 об.

⁶Беседа с кн. Н.Б. Щербатовым // Рус. слово. 1915. 12 июня; У нового министра // Биржевые вед. 1915. 27 сент.

⁷Государственная дума. Стенографические отчеты. Созыв IV. Сессия IV. Петроград, 1915. Стб. 1069.

с помощью Щербатова, предлагавшего военному министру создать межведомственную комиссию для «принятия мер к прекращению дальнейшего агитационного влияния прессы на население»⁸. Поливанов согласился, но отметил, что, по указаниям Верховного Главнокомандующего, военная цензура «ограничивается исключительно вопросами, упомянутыми в перечне»⁹.

Дополнительным и весьма важным фактором служила циркулярная телеграмма Ставки № 2883 от 31 июля 1915 года. В ней обращалось внимание на «участившиеся случаи неправильных действий военной цензуры, указывающие на то, что далеко не все военные цензоры осведомлены о своих обязанностях и правильно их понимают, причем зачастую допускают произвол в своих отношениях к печати». Отныне они должны были руководствоваться только пределами названного перечня, а право, данное статьей 31, «отнюдь не должно никогда переходить в произвол». Особенно осторожное обращение с печатью «должно быть проявляемо ныне, когда вся Россия воодушевлена общим патриотическим настроением и готова сплотиться в общей совместной работе для достижения полной победы над врагом. Военной цензуре следует стремиться избежать нареканий, которые часто весьма справедливы»¹⁰.

Роспуск Думы 3 сентября 1915 года ознаменовал окончание короткого периода уступок ей со стороны правительства. Депутаты к этому моменту не успели закончить рассмотрение законопроекта о цензуре и представить его в Государственный совет, что де-факто продлеvalo на неопределенный срок действие «Временного положения». Понимая значение статьи 31 данного документа (исключавшейся в думском законопроекте), Горемыкин стремился с по-

мощью циркуляров закрепить и без того широкие полномочия цензоров, дав им прямые указания по просмотру политических материалов в прессе. На это требовалось согласие военного министра и Ставки, предпочитавших дистанцироваться от карательных мер в отношении печати. Однако поддержка Николая II возымела действие. 14 сентября 1915 года он в качестве Верховного Главнокомандующего при активном содействии премьер-министра отменил действие циркулярной телеграммы № 2883¹¹. После этого Горемыкин усилил давление на Поливанова, указывая, в частности, на появление в печати недопустимых сообщений о возможных перестановках в Совете министров¹².

7 декабря 1915 года премьер-министр направил царю всеподданнейший доклад, в котором доказывал необходимость более активного просмотра цензорами статей на внутри- и внешнеполитические темы, имевшие не меньшее влияние и значение для «военных интересов государства»¹³. Предлагалось прежде всего значительное повышение роли МВД, ведавшего делами не только печати, но и почты и телеграфов. В этом смысле резолюция Николая II на указанном документе удовлетворяла притязания Горемыкина. 14 декабря 1915 года он направил М.В. Алексееву письмо, в котором «во исполнение таковой монаршей воли» предложил Ставке более тесно взаимодействовать с МВД в вопросах военной цензуры¹⁴. Алексеев ответил лишь через неделю, но согласился с доводами премьер-министра, в частности признавая «желательным» увеличение числа цензоров за счет гражданских чинов¹⁵. 31 декабря 1915 года Горемыкин сообщил Поливанову о резолюции императора и ответе Алексеева, по-

⁸РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 35. Л. 170.

⁹Там же. Л. 193.

¹⁰Там же. Л. 115.

¹¹Там же. Л. 136.

¹²Там же. Л. 140.

¹³Там же. Д. 53. Л. 7–8 об.

¹⁴Там же. Л. 12–15.

ставив военного министра перед фактом того, что расширение полномочий военной цензуры неизбежно и ему придется выполнить повеление¹⁶. В архивах сохранился черновик ответа Поливанова, составленный в середине января 1916 года. В нем министр отказывался давать распоряжения печати вне театра военных действий и напоминал, что на зону «полной» военной цензуры его полномочия не распространялись¹⁷. 20 января 1916 года Горемыкин был отправлен в отставку, из-за чего начальник Генерального штаба генерал М.А. Беляев даже предлагал «пока обождать» с отправкой этого письма новому премьер-министру Б.В. Штюрмеру¹⁸.

Ответ все же был послан (с минимальными изменениями), т. к. план Горемыкина в общих чертах уже был одобрен царем и начал приводиться в исполнение в прифронтовых губерниях¹⁹. Однако вопрос о военной цензуре в тылу вновь повис в воздухе. Штюрмер пошел на уступки печати в вопросе о «белых пятнах» на газетных полосах²⁰, запретить которые Горемыкин намеревался в январе 1916 года²¹. Кроме того, в феврале возобновила работу Дума, предполагавшая принять закон о военной цензуре, не до конца рассмотренный летом 1915 года. По этим причинам план Горемыкина «сжать печать» (выражение цензора А.А. Сидорова²²) не был реализован в полной мере. Из-за затянувшегося рассмотрения закона Думой и Государственным советом «Временное положение» продолжило действие в 1916 году. В условиях углублявшегося политического кризиса цензурные запреты не давали желаемого эффекта, а лишь усиливали недовольство печати и обще-

ства, став значимым фактором приближения революционного взрыва.

В качестве приложения к статье приведены всеподданнейший доклад И.Л. Горемыкина Николаю II, а также подлинник письма И.Л. Горемыкина А.А. Поливанову. Оба документа найдены в Российском государственном военно-историческом архиве, в фонде № 13835 (Главная военно-цензурная комиссия). Текст документа приводится без сокращений. Подчеркивания в тексте были сделаны авторами документов. Сохранены стилистические особенности, орфография и пунктуация приближены к современным нормам русского языка.

Приложение № 1
Всеподданнейший доклад И.Л. Горемыкина
Николаю II, 7 декабря 1915 г.

На подлинном Собственною ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА рукою начертано: «Поручаю председателю Совета Министров условиться о нужных мерах с начальником моего Штаба и доложить мне о последовавших по подлежащим ведомствам распоряжениях. Придаю значение также и более близкому участию Мин[истерст]ва Внутренних Дел в работе военной цензуры».

Скрепил: Председатель Совета Министров, Статс-Секретарь Горемыкин.

Верно: Управляющий делами Совета Министров И. Лодыженский

По вопросу о постановке надзора за поврежденною печатью

За время текущей войны в некоторой части нашей печати неоднократно наблюдались попытки широко использовать для противоправи-

¹⁵РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 53. Л. 16, 16 об.

¹⁶Там же. Л. 3–7.

¹⁷Там же. Л. 27–29.

¹⁸Там же. Л. 27.

¹⁹Там же. Л. 30.

²⁰Там же. Д. 57. Л. 6.

²¹Там же. Л. 1.

²²Сидоров А.А. Из записок московского цензора // Голос минувшего. 1918. № 1/3. С. 107.

тельственной проповеди созданное военными обстоятельствами и усложнившимися хозяйственными условиями внутреннее положение в стране. Под покровом громких призывов к единению во имя победы, день за днем в общественное сознание внедрялось убеждение о своевременности борьбы за власть. Деятельность, намерения, взгляды, мероприятия правительства, в целях колебания его авторитета, подвергались самым беззастенчивым толкованиям, вплоть до распространения заведомо ложных слухов и различных измышлений. Совокупностью решительных распоряжений дальнейшее развитие угрожающей государственному порядку работы печати было пресечено. Но верные тем или иным партийным домогательствам газеты так называемого оппозиционного направления продолжают и доныне, если не открыто, то путем всевозможных обходных приемов, подогревать в населении тревожные настроения и готовы учесть малейшее послабление для новых агитационных происков.

Ныне Россия вступила в исключительную пору своего исторического бытия. Враг дерзнул проникнуть в наши пределы. После зимнего боевого затишья предстоит решающая борьба за честь и благо родины, за самостоятельную жизнь связавших с нами свою судьбу народов. К этим великим дням, для обеспечения конечного торжества, должны быть собраны, сосредоточены и напряжены все силы, вся мощь страны. Перед лицом такой необходимости не может быть места ни узкопартийным стремлениям, ни взаимному недоверию, ни каким-либо иным подобным проявлениям, способным тормозить общий объединенный труд для приготовления победы. Призванное ВАШИМ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ к ответственному служению в грозную годину войны, к руководительству внутреннею жизнью государства, правительство должно быть – и в его целом, и в отдельных его представителях – ограждено от рассчитанных на расшатывание его авторитета посягательств, от мешающих спокойной его работе покушений.

В такой обстановке приобретает особливое важное значение вопрос о деятельности печати, обладающей, при распространении газетного листа и проникновении его во все слои населения, огромным влиянием на общественное сознание. Деятельность эту, во имя велений суровой военной необходимости, следовало бы поставить в такие условия, которые предупредили бы возможность обращения печатного слова во вред потребностям данной исключительной минуты. Разрешение таковой задачи неосуществимо на почве общих законоположений о печати, построенных на началах почти полной ее свободы, особенно в области общественно-политических вопросов. Единственный для этого путь – неуклонное применение тех чрезвычайных полномочий, которые, по военным обстоятельствам, присвоены надлежащим военным и гражданским властям. В этом отношении, как убеждает опыт, до сих пор не установилось еще той общности взглядов и действий, которая является неременным залогом для планомерного достижения намеченной цели.

В связи с войною отдельные части Империи разделяются в порядке управления на местности: 1) входящие в район театра военных действий; 2) состоящие на военном положении, но не включенные в район театра войны, и 3) находящиеся на положении чрезвычайной охраны. На пространствах первых (в их числе Петроград) действует всецело власть Верховного Командования, во вторых (в числе их Москва) – Военного Министра и в третьих – Министра Внутренних Дел, чрез Главноначальствующих.

В местностях, входящих в район театра военных действий, введена военная цензура в полном объеме, согласно Положению о которой печатные произведения подвергаются предварительному, до выпуска в свет, просмотру, при этом, по силе статьи 31 того же Положения, военным цензорам вменяется в обязанность не допускать к опубликованию путем печати всякого рода сведений, которые могут, по мнению цензора, оказаться вредными для военных интересов государства. При наличии

приведенных постановлений поддержание правильного надзора за повременными изданиями требует главным образом усвоения военно-цензурными учреждениями того начала, что понятие «военных интересов государства» не ограничивается тесными пределами соблюдения военной тайны, что оно несовместимо с появлением в печати всяких сведений, статей, сообщений и рассуждений, которые способны создавать ослабляющее не только внешнюю, но и внутреннюю мощь страны настроения и подрывать доверие к поставленным ВАШИМ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ властям. Само собою разумеется, однако, для военного начальства было бы обременительно входить в каждом отдельном случае в подробную оценку газетного материала с общеполитической точки зрения. Поэтому представлялось бы желательным закрепить более близкого участия в работе военной цензуры Министерства Внутренних Дел, вполне, по-видимому, осуществимое по действующему Положению о таковой цензуре. Соответственные руководящие указания, а равно некоторые необходимые для согласования и взаимодействия военной и гражданской власти распоряжения могли бы последовать по соглашению Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего с Председателем Совета Министров.

Вне района театра войны военная цензура не обладает правом предварительного просмотра предназначенных к выпуску в свет произведений тиснения. В этих местностях борьба со злоупотреблениями печатным словом возможна в порядке непосредственного взаимодействия на редакторов и издателей. Особые полномочия местной власти, по военному положению и по положению о чрезвычайной охране, достаточно широки. Едва ли могут быть сомнения в том, что угроза, например, приостановки издания или высылки упорствующих за пределы губернии представляется весьма серьезною и побуждает деятелей печати внимательно относиться к предъявляемым им требованиям. Важно только, чтобы в данном случае повсеместно проводились согласованность и последовательность

действий. В таком смысле общее руководство должно исходить от Министров Военного и Внутренних Дел, по принадлежности.

Докладывая изложенные общие соображения и не дерзая утруждать ВЫСОЧАЙШЕЕ внимание изъяснением подробностей желательных, для отвечающей современной обстановке организации надзора за печатью, мероприятий, всесторонне разработанных в прилагаемой справке о суждениях образованного при Главном Управлении по делам печати частного совещания, приемлю долж, ввиду необходимости объединения распоряжений военной и гражданской власти, всеподданнейше испрашивать ВЫСОЧАЙШИХ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА указаний о дальнейшем направлении настоящего дела.

Подписал: Председатель Совета Министров, Статс-Секретарь Горемыкин.

7 декабря 1915 года.

(РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 53. Л. 9, 9 об., 10, 10 об., 11. Заверенная копия, машинопись.)

Приложение № 2

**Письмо И.Л. Горемыкина А.А. Поливанову,
31 декабря 1915 г.**

31 декабря № 14618.

Председатель Совета Министров. Его выс[о]к[о]превосходительств[у] А.А. Поливанову.

Совершенно доверительно.

В предшествующей переписке моей с бывшим военным министром, генерал-адъютантом [В.А.] Сухомлиновым и с Вашим Высокопревосходительством я неоднократно отмечал настоятельную необходимость поддержания бдительного надзора за повременную печатью для предупреждения возможности использования ее в качестве оружия для недопустимой в условиях войны противоправительственной проповеди и возбуждения политических страстей. К сожалению, в этой области, как убеждает опыт истекших семнадцати месяцев, не установилось должной устойчивости и однообразия практики. В данном случае сказывались, с одной стороны, недостаточная согласованность в понимании существа возлагаемых переживаемыми событиями на военную цензуру обще-

государственных обязанностей, а с другой – рассредоточение заведывания делом печати и наличием нередко взаимно исключаящих распоряжений, исходивших от прикосновенных властей. Отрицательные последствия такого положения особенно выпукло проявились минувшим летом, когда политическая агитация некоторых изданий приняла крайне резкое направление и вносила в общественное сознание, встревоженное временными военными неудачами, опасное разложение. Между тем, при планомерном применении полномочий военной цензуры и исключительных узаконений, подобные последствия могли бы быть заранее предотвращены и деятельность печатного слова была бы удержана в тех рамках, которые отвечают требованиям спокойного течения жизни тыла.

Вопрос об установлении надлежащего надзора за печатью послужил предметом всестороннего обсуждения в состоявшемся под председательством временно исполняющего должность Начальника Главного Управления по делам печати частном совещании, заключения коего изложены в доставленной мне Министром Внутренних Дел справке. Справка эта повергнута была мною на ВЫСОЧАЙШЕЕ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА благоволение при особом моем всеподданнейшем докладе, в коем я счел своим верноподданническим долгом высказать, что в настоящее время, когда Россия готовится к решающей борьбе с проникшим в ее пределы врагом, когда для обеспечения конечного торжества должны быть собраны, сосредоточены и напряжены все силы, вся мощь страны, не может быть места ни узкопартийным стремлениям, ни взаимному недоверию, ни каким-либо иным подобным проявлениям, способным тормозить общий объединенный труд для приготовления победы, и что поэтому, при присущем печати широком влиянии на общественное самосознание, существенно важным представляется поставить ее деятельность в согласные с велениями суровой необходимостью границы. На таковом докладе моем ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ благоугодно было, 8 декабря 1915 года, собственноруч-

но начертать: «Поручаю председателю Совета Министров условиться о нужных мерах с начальником моего Штаба и доложить мне о последовавших по подлежащим ведомствам распоряжениях. Придаю значение также и более близкому участию Мин[истерст]ва Внутренних Дел в работе военной цензуры».

Во исполнение таковой монаршей воли я сообщил Начальнику Штаба Верховного Главнокомандующего в письме от 14 декабря 1915 года за № 13984 соображения мои о мерах, которые, согласно с заключением вышеупомянутого совещания, могли бы быть приняты в целях обеспечения должного взаимодействия военной и гражданской власти в поддержании надзора за печатью с точки зрения общегосударственных потребностей переживаемого времени. Письмом от 22-го того же месяца, за № 6785, генерал-от-инфантерии [М.В.] Алексеев уведомил меня, что, вполне соглашаясь с намеченными мною в общих чертах предположениями, он сделает, по получении плана согласованных действий по всем ведомствам, соответственные распоряжения по военной цензуре на театре военных действий. С тем вместе Начальник Штаба Верховного Главнокомандующего заявил, что, по его мнению, помимо тех больших средств, которые имеются, чтобы взять печать в руки, существенно важно представляется организация нравственного на нее воздействия, дабы обратить печатное слово в мощного союзника и привлечь к общей работе по укреплению власти, усилению армии и к борьбе с врагом. Всецело присоединяясь, со своей стороны, к этому последнему пожеланию генерала-от-инфантерии Алексеева и обращаясь к вопросу о дальнейших действиях в отношении надзора за печатью, я полагаю, что план таковых действий мог бы выразиться, сообразно с ответственностью данной местности, в нижеследующем:

1. На театре военных действий:

1) Преподать по военно-цензурным установлениям руководящие разъяснения о существе и объеме возлагаемых на военных цензоров статьею 31 ВЫСОЧАЙШЕ утвержденного 20 июля 1914 года Временного Положения о военной цензуре особых обязанностей по над-

зору за печатью (проект соответственного циркуляра прилагается).

2) Предоставить Министру Внутренних Дел [право] сообщать Начальнику Штаба Верховного Главнокомандующего: а) вопросы и сведения, не подлежащие, по общеполитическим соображениям, допущению военною цензурою к оглашению в печати, и б) пожелания о применении к тому или иному, проявляющему несовместимое с особыми условиями переживаемого времени направление, изданию репрессивных мер в виде приостановления этого издания, закрытия типографии или высылки издателя, редактора либо сотрудника из района театра военных действий.

3) Предоставить Министру Внутренних Дел [право] войти в соглашение с Начальником Штаба Верховного Главнокомандующего об организации военно-цензурных установлений на театре войны с привлечением к более близкому участию в них чинов Министерства Внутренних Дел и других гражданских ведомств, в согласность с постановлениями статей 20, 21 и 24 Временного Положения о военной цензуре.

4) Предоставить Министру Внутренних Дел [право] сообщать подлежащим, ведающим военно-цензурными установлениями данной местности района театра войны, военным властям (Вр[еменное] Пол[ожение], ст. 14) о необходимости наложения на то или иное издание, усваивающее нежелательное в общеполитическом отношении направление, – штрафа, либо подчинения его во всей строгости правилам предварительного просмотра в порядке соответственных постановлений глав IV и V Временного Положения 20 июля 1914 года; в случае каких-либо сомнений по существу заявленной Министром Внутренних Дел меры, подлежащий военный начальник представляет о сем Начальнику Штаба Верховного Главнокомандующего²³.

2. Вне театра военных действий:

1) Предоставить Министрам Военному и Внутренних Дел, по принадлежности, преподать главным начальникам местностей, состо-

ящих на военном положении и на положении чрезвычайной охраны, руководящие указания об обязательности неуклонного надзора за деятельностью местной печати в целях предупреждения развития грозящей общественному порядку и спокойствию агитации, с применением к проявляющим несоответственное направление изданиям во всей строгости особых, предусмотренных законом мер воздействия вплоть до высылки упорствующих лиц из данного района.

2) Предложить названным главным местным начальникам указывать редакторам и издателям печатных органов о недопустимых, согласно получаемым от Министра Внутренних Дел распоряжениям, к оглашению в печати вопросов и сведений, с применением к несоблюдающим таковых указаний лицам соответственных карательных мер (п[ункт] 1).

3) Преподать военно-цензурным установлениям указания о необходимости строгого наблюдения за появляющимся в печати материалом с точки зрения статьи 30 опубликованного 31 июля 1915 года Перечня (Собр[ание] Узак[онений], т. 1710), касающейся оглашения сведений о предположениях, постановлениях и мероприятиях по Совету Министров, как связанных с чрезвычайными расходами на потребности военного времени, так равно вызываемых военными обстоятельствами.

4) Предложить упомянутым в пункте 1 главным местным начальникам издать, в порядке военного положения или положения о чрезвычайной охране, распоряжения об изъятии дел о нарушении действующего Перечня (Собр[ание] Узак[онений], т. 1710) из общей подсудности и о разрешении, в подлежащих случаях таковых дел, в административном порядке.

5) Предоставить Министру Внутренних Дел подвергнуть, в установленном порядке, пересмотру указанный в предыдущем пункте (4) Перечень в целях согласования его с изменившимися

²³Рядом на полях надпись Поливанова: «Я не понимаю, на чем будут основываться действия военной власти?»

условиями в связи с рождением отражающихся и на военных интересах затруднений в продовольствии, топливе, снабжении заводов сырьем и т. п.

3. Общие мероприятия:

1) Предоставить Министру Внутренних Дел войти в соглашение с Главными Начальниками ведомств о назначении особых лиц, которые являлись бы представителями ведомственных интересов в рассмотрении касающихся печати вопросов и, находясь в постоянном общении с Главным Управлением по делам печати, указывали бы последнему на неподлежащие с точки зрения этих интересов оглашению сведения; в случаях необходимости представители могли бы созываться на совещания.

2) Вменить военным цензурным установлениям на театре войны и вне его, а также главным начальникам местностей, состоящих на военном положении и на положении чрезвычайной охраны, в обязанность безотлагательно сообщать Министру Внутренних Дел о всех случаях наложения административных взысканий и о привлечении к судебной ответственности органов печати с точным обозначением названия и номера издания, заглавия вызвавшей карательную меру статьи и сущности самой кары.

Переходя, наконец, к заявленному генералом-от-инфантерии Алексеевым пожеланию о нравственном воздействии на печать, я полагал бы, что в этих целях представлялось бы полезным обратиться к деятелям печатного слова с особым воззванием, в котором следовало бы изъяснить исключительную важность приближающихся событий, обязывающую всех верных сынов родины сплотиться вокруг общего знамени во имя скорейшей полной победы над врагом и призвать печать к использованию своего влияния на общественное самосознание для патриотического служения делу единения и сплочения всех классов населения; в минуту великой решающей борьбы за честь и безопасность государства печать должна забыть партийную рознь, социальные домогательства, противоположение классовых интересов и своею дружною работою укреплять в народе бодрость, веру в свои силы и готовность к жертвам ради общего блага. И с

тем вместе должно быть отмечено, что правительственная власть будет неуклонно наблюдать за деятельностью печатного слова и, в случае не отвечающих потребностям военного времени проявлений, применять во всей строгости предоставленные ей чрезвычайные полномочия; можно, однако, выразить уверенность, что наша печать, как в другие исторические минуты русской истории, окажется на высоте своего призвания и исполнит свой долг перед отечеством, не ставя власть перед необходимостью прибегать к карательным действиям. Таковое обращение могло бы последовать: на театре военных действий – от Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего, в районе военного положения – от Военного Министра и в прочих местностях Империи – от Министра Внутренних Дел. Если мысль эта не встретит возражений, то проект соответственного воззвания будет своевременно изготовлен и сообщен подлежащим ведомствам.

Изложенные соображения мои долгом считаю сообщить Вашему Высокопревосходительству с покорнейшею просьбою не отказать почтить меня в возможно непродолжительном времени заключением Вашим по существу таковых соображений, поскольку они касаются предметов ведения и общих интересов ВЫСОЧАЙШЕ вверенного Вам ведомства. По получении такового заключения и по согласовании его с отзывами Главных Начальников прикосновенных ведомств будет разработан окончательный план действий военной и гражданской власти в отношении надзора за печатью, который я не премину препроводить к Вам, Милостивый Государь, для зависящих, в чем следовать будет, распоряжений. Обязываюсь присовокупить, что, в целях всестороннего рассмотрения вопроса о преднамеченном пополнении личного состава военной цензуры гражданскими чинами, представлялось бы своевременным ныне же возобновить деятельность преуказанного Советом Министров, в заседании 23 сентября 1915 года, особого для этой цели междуведомственного совещания.

При сем препровождаются: список со всеподданнейшего моего доклада от 7 декабря

1915 года и копии письма моего на имя Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего, от 14 того же месяца, за № 13984, от ответного отзыва генерала-от-инфантерии Алексеева, от 22 текущего декабря, за № 6785.

Примите, Милостивый Государь, уверения в отличном моем уважении и совершенной преданности.

И. Горемыкин.
(РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 53. Л. 3–8 об. Подлинник, машинопись.)

Список литературы

1. Богомолов И.К. Временное положение о военной цензуре: проект 1910 г. // Соц. и гуманитар. науки. Оте-честв. и зарубеж. лит. Сер. 5: История. 2022. № 3. С. 7–24. DOI: [10.31249/rhist/2022.03.01](https://doi.org/10.31249/rhist/2022.03.01)
2. Блохин В.Ф. Военная цензура Минского военного округа и начало Первой мировой войны // Новый ист. вестн. 2019. № 3(61). С. 29–43. DOI: [10.24411/2072-9286-2019-00018](https://doi.org/10.24411/2072-9286-2019-00018)
3. Устинова Ю.Н. Военная цензура в России и Германии в 1914–1917 годы // Унив. науч. журн. 2022. № 70. С. 45–53. DOI: [10.25807/22225064_2022_70_45](https://doi.org/10.25807/22225064_2022_70_45)
4. Demm E. *Censorship and Propaganda in World War I: A Comprehensive History*. London: Bloomsbury Academic, 2019. 348 p.
5. Батулин П.В. Перечни военной цензуры 1912–1923 гг. // Ленингр. юрид. журн. 2012. № 4(30). С. 152–165.
6. Алферова И.В. Военно-цензурные практики в годы Первой мировой войны (на материалах Великого княже-ства Финляндского) // Вестн. Брян. гос. ун-та. 2022. № 4(54). С. 7–15.
7. Гайда Ф.А. Правительство и оппозиция в России накануне Февраля 1917 г.: к вопросу о возможности диалога // Тр. по россиеведению. 2018. Т. 7. С. 48–57.
8. Богомолов И.К. Государственная дума и цензурная политика в годы Первой мировой войны // Рос. история. 2022. № 4. С. 96–117.
9. Сысоева Л.Н. Совет министров Российской империи во второй половине 1915 г.: функционирование и противоречия // Изв. Воронеж. гос. пед. ун-та. 2021. № 2(291). С. 140–146. DOI: [10.47438/2309-7078_2021_2_140](https://doi.org/10.47438/2309-7078_2021_2_140)
10. Бей Е.В. Военный министр А.А. Поливанов – «генерал от политики». М.: Exeritus, 2020. 591 с.
11. Тяжелые дни. Секретные заседания Совета министров 16 июля – 2 сентября 1915 г. // Архив русской ре-волюции. Т. XVIII. Берлин, 1926. С. 5–136.

References

1. Bogomolov I.K. Vremennoe polozhenie o voennoy tsenzure: proekt 1910 g. [Provisional Regulations on Military Censorship: Version 1910]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 5: Istorija*, 2022, no. 3, pp. 7–24. DOI: [10.31249/rhist/2022.03.01](https://doi.org/10.31249/rhist/2022.03.01)
2. Blokhin V.F. Voennaya tsenzura Minskogo voennogo okruga i nachalo Pervoy mirovoy voyny [Military Censorship in the Minsk Military District and the Beginning of the First World War]. *Novyy istoricheskiy vestnik*, 2019, no. 3, pp. 29–43. DOI: [10.24411/2072-9286-2019-00018](https://doi.org/10.24411/2072-9286-2019-00018)
3. Ustinova Yu.N. Voennaya tsenzura v Rossii i Germanii v 1914–1917 gody [Military Censorship in Germany and Russia in 1914–1917]. *Universitetskiy nauchnyy zhurnal*, 2022, no. 70, pp. 45–53. DOI: [10.25807/22225064_2022_70_45](https://doi.org/10.25807/22225064_2022_70_45)
4. Demm E. *Censorship and Propaganda in World War I: A Comprehensive History*. London, 2019. 348 p.
5. Batulin P.V. Perechni voennoy tsenzury 1912–1923 gg. [Lists of Military Censorship 1912–1923]. *Leningradskiy juridicheskiy zhurnal*, 2012, no. 4, pp. 152–165.
6. Alferova I.V. Voенно-tsenzurnye praktiki v gody Pervoy mirovoy voyny (na materialakh Velikogo knyazhestva Finlyandskogo) [Military Censorship Practices During the First World War (on the Materials of the Grand Duchy of Finland)]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, no. 4, pp. 7–15.
7. Gayda F.A. Pravitel'stvo i oppozitsiya v Rossii nakanune Fevralya 1917 g.: k voprosu o vozmozhnosti dialoga [Government and Opposition in Russia on the Eve of February 1917: To the Question of the Possibility of Dialogue]. *Trudy po rossievedeniyu*, 2018, vol. 7, pp. 48–57.
8. Bogomolov I.K. Gosudarstvennaya дума i tsenzurnaya politika v gody Pervoy mirovoy voyny [The State Duma and Censorship Policy in Imperial Russia During the First World War]. *Rossiyskaya istoriya*, 2022, no. 4, pp. 96–117.

9. Sysoeva L.N. The Council of Ministers of the Russian Empire in the Second Half of 1915: Functioning and Contradictions. *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2021, no. 2, pp. 140–146 (in Russ.). DOI: [10.47438/2309-7078_2021_2_140](https://doi.org/10.47438/2309-7078_2021_2_140)

10. Bey E.V. *Voennyy ministr A.A. Polivanov – “general ot politiki”* [Minister of War A.A. Polivanov as a “Political General”]. Moscow, 2020. 591 p.

11. Tyazhelye dni. Sekretnye zasedaniya Soveta ministrov 16 iyulya – 2 sentyabrya 1915 g. [The Hard Days. Secret Meetings of the Council of Ministers, 16 July – 2 September 1915]. *Arkhiv russkoy revolyutsii* [Archives of the Russian Revolution]. Vol. 18. Berlin, 1926, pp. 5–136.

DOI: 10.37482/2687-1505-V302

Igor’ K. Bogomolov

Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS;
Nakhimovskiy prospekt 51/21, Moscow, 117418, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-001-8381-0284> e-mail: bogomolov@inion.ru

“TO TURN THE PRINTED WORD INTO A POWERFUL ALLY...”: THE PROJECT OF PRIME MINISTER I.L. GOREMYKIN ON THE TRANSFORMATION OF MILITARY CENSORSHIP (1915)

This article for the first time presents a report to Nicholas II compiled by Chairman of the Council of Ministers of the Russian Empire I.L. Goremykin and his letter to Minister of War A.A. Polivanov. Both documents date back to December 1915, a period of relative political and military tranquility in the country after the Great Retreat in the summer of 1915, when the press widely and sharply criticized the government for failures to supply the army and the home front. Seeing it as an attempt to shake the foundations of the state and resume the struggle for power, Goremykin, having enlisted the support of both the majority of the Council of Ministers and the tsar, launched in September 1915 a “counterattack” on the press. The “quiet” opposition was made up of the War Ministry and, in part, the Stavka of the Supreme Commander, who were unwilling to interfere in the political struggle through military censorship. During September–December, Goremykin prepared a report to Nicholas II suggesting a significant expansion of the censors’ powers, primarily in terms of inspecting the materials of newspapers and magazines. Essentially, this implied recreating the precensorship of the press, which had existed before 1905, but already had broader powers and greater freedom of action. Having received the approval of Nicholas II, the prime minister presented his plan to Polivanov. The latter, however, took his time and produced a reply when Goremykin had already been dismissed. In the new conditions, Goremykin’s project was not fully implemented. Military censorship was tightened, however inconsistently and selectively, which not only failed to calm the press, but, instead, increased the irritation and discontent within society as a whole.

Keywords: *military censorship, Provisional Regulations on Military Censorship, Chief Military Censorship Commission, Chief Administration for Press Affairs, I.L. Goremykin, A.A. Polivanov, Nicholas II.*

Поступила 05.06.2023
Принята 19.11.2023
Опубликована 25.12.2023

Received 5 June 2023
Accepted 19 November 2023
Published 25 December 2023

For citation: Bogomolov I.K. “To Turn the Printed Word into a Powerful Ally...”: The Project of Prime Minister I.L. Goremykin on the Transformation of Military Censorship (1915). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal’nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial’nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 6, pp. 5–16. DOI: 10.37482/2687-1505-V302